

Толстой Лев Николаевич

Рассказы и сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Рассказы и сказки / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 295 с.

ISBN 978-5-519-77190-0

Содержание: Чем люди живы; Ягоды; Два старика; Царь Ассархадон; Где любовь, там и бог; Как чертенок краюшку выкупал; Большая медведица: (По Ковису); Зерно с куриное яйцо; Много ли человеку земли нужно?; Ильяс; Работник Емельян и пустой барабан; Девчонки умнее стариков; Два брата и золото; Три вопроса; Сказка об Иване дураке; Упустишь огонь - не потушишь; В голодающей деревне; В столовой; Надоело; Хозяин и работник; Три сына; Труд, смерть и болезнь; Бог один у всех: (По Бернарден де Сен-Пьеру)

ISBN 978-5-519-77190-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чѣмъ люди живы. — Хлѣбъ и зъ

Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти (1-е посл. Іоанна III, 14).

А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, — какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? (III, 17).

Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (III, 18).

Любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (IV, 7).

Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь (IV, 8).

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ (IV, 12).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ (IV, 16).

Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ (IV, 20)?

I.

Иль сапожникъ съ женою и дѣтьми у мужика на квартирѣ. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился онъ съ семьею сапожною работою. Хлѣбъ былъ дорогой, а работа дешевая, и что заработаетъ, то и проѣстъ. Была у сапожника одна шуба съ женой, да и та износилась въ лохмотья; и второй годъ собирався сапожникъ купить овчинъ на новую шубу.

Къ осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы въ сундукѣ, а еще пять рублей двадцать копеекъ было за мужиками въ селѣ.

И собрался съ утра сапожникъ въ село за шубой. Надѣлъ на рубаху нанковую бабью куртушку на ватѣ, сверху каф-

танъ суконный; взялъ бумажку трехрублевую въ карманъ выломалъ палку и пошелъ послѣ завтрака. Думалъ: «получу пять рублей съ мужика, приложу своихъ три, куплю овчинъ на шубу».

Пришелъ сапожникъ въ село, зашелъ къ одному мужику—дома нѣтъ; обѣщала баба на недѣлѣ прислать мужа съ деньгами, а денегъ не дала; зашелъ къ другому—забожился мужикъ, что нѣтъ денегъ, только двадцать копеекъ отдалъ за починку сапогъ. Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины. Въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ.

— Денежки,—говорить,—принеси, тогда выбирай любя; а то знаемъ мы, какъ долги выбирать.

Такъ и не сдѣлалъ сапожникъ никакого дѣла: только получилъ двадцать копеекъ за починку да взялъ у мужика старые валенки кожей обшить.

Потужилъ сапожникъ, выпилъ на всѣ двадцать копеекъ водки и пошелъ домой безъ шубы. Съ утра сапожнику морозно показалось, а выпивши—тепло безъ шубы. Идетъ сапожникъ дорогой, одной рукой палочкой по мерзлымъ калмыжкамъ постукиваетъ, а другой рукой сапогами валеными помахиваетъ, самъ съ собой разговариваетъ.

— Я,—говорить,—и безъ шубы тепелъ. Выпилъ шкаликъ, оно во всѣхъ жилкахъ играетъ. И тулупа не надо. Иду, забывши горе. Вотъ какой я человѣкъ! Мнѣ что? Я безъ шубы проживу. Мнѣ ея вѣкъ не надо. Одно—баба заскучаетъ. Да и обидно: ты на него работай, а онъ тебя водить. Постой же ты теперь: не принесешь денежки, я съ тебя шапку сниму; ей Богу сниму. А то, что жъ это! По двугривенному отдаетъ! Ну, что на двугривенный сдѣлаешь? Выпить—одно. Говорить: «нужда». Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя домъ и скотина, и все, а я весь тутъ; у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ: откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ. Опять полтора рубля выложь. Такъ ты мнѣ мос отдай!

Подходитъ такъ сапожникъ къ часовнѣ, у повертка, глядитъ, за самой часовней что-то бѣлѣется. Стало ужъ смер-

каться; приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что такое. Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло что-то. Да и человѣку зачѣмъ тутъ быть?

Подошелъ ближе—совсѣмъ видно стало. Что за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышомъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Страшно стало сапожнику, думаетъ себѣ: «убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли, да и бросили тутъ. Подойди только и не раздѣлаешься потомъ».

И пошелъ сапожникъ мимо. Зашелъ за часовню—не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ,—человѣкъ отклонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще больше заробѣлъ сапожникъ; думаетъ себѣ: «подойти или мимо пройти? Подойти—какъ бы худо не было; кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ сюда. Подойдешь, а онъ вскочитъ да задушитъ, и не уйдешь отъ него; а не задушитъ, такъ поди—возжайся съ нимъ. Что съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать. Пронеси только Богъ!»

И прибавилъ сапожникъ шагу; сталъ ужъ проходить часовню, да зазрила его совѣсть.

И остановился сапожникъ на дорогѣ.

«Ты чего же это,—говоритъ на себя,—Семень, дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ, мимо идешь. Али дюже разбогатѣлъ? Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, не ладно!»

II.

Повернулся Семень и пошелъ къ человѣку. Подходить Семень къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно—измерзъ человѣкъ и напуганъ, сидитъ, прислонясь, и не глядитъ на Семена, будто ослабъ, глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семень вплотъ, и вдругъ—какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену.

Бросилъ онъ наземь валенки, распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будеть, — говорить, — толковать-то! Одѣвай, что ли! Ну-ка!

Взялъ Семень челоѣка подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся челоѣкъ. И видитъ Семень—тѣло тонкое, чистое, руки, ноги не ломаныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семень кафтанъ на плечи. Не попадетъ въ рукава. Заправилъ ему Семень руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою.

Снялъ было Семень съ головы картузь рваный, хотѣлъ на голаго надѣть, да холодно головѣ стало; думаетъ: «у меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные», надѣлъ опять. «Лучше сапоги ему обую».

Посадилъ его и сапоги валеные обулъ ему.

Одѣлъ его сапожникъ и говорить:

— Такъ-то, братъ. Ну-ка, разминайся да согрѣвайся. А эти дѣла всѣ безъ насъ разберутъ. Итти можешь?

Стоить челоѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить ничего не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ. Надо къ жилью. Ну-ка, на вотъ дубинку мою, обопрись, коли ослабъ. Раскачивайся-ка!

И пошелъ челоѣкъ. И пошелъ легко, не отстаеъ.

Идутъ они дорогой, и говорить Семень:

— Чей, значить, будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то, значить, какъ сюда, подъ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно—все Богъ; да все же куда-нибудь прибиться надо. Куда тебѣ надо-то?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семень. Не похожъ на озорника и на рѣчахъ

мягокъ, а не сказываетъ про себя. И думаетъ Семень: мало ли какія дѣла бываютъ. И говоритъ человѣку:

— Что жъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь мало-мальски.

Рис. А. Кивченко.

Идетъ Семень, не отстаётъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подъ рубаху, и сталъ съ него сходить хмель, и прозябать сталъ. Идетъ онъ, носомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртушку бабью и думаетъ: «Вотъ те и шуба: пошелъ за шубой, а безъ кафтана домой приду, да еще голаго съ собою

приведу. Не похвалить Матрена!» И какъ подумаетъ о Матренѣ, скучно станетъ Семену. А какъ поглядитъ на странника, вспомнить, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ взиграетъ въ немъ сердце.

III.

Убралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусилась и задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

«Если, — думаетъ, — Семень тамъ пообѣдаетъ да много за ужиномъ не съѣстъ, на завтра хватитъ хлѣба».

Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «Не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ».

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

«Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей—деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму какъ бились безъ шубы! Ни на рѣчку выйти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣтъ печего. Не рано пошелъ. Пора бы ему. Ужъ не загулялъ ли, соколикъ-то мой».

Только подумала Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ, кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ—вошли двое: Семень и съ нимъ мужикъ какой-то, безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. «Ну,—думаетъ,—такъ и есть, загулялъ». Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртушкѣ въ одной и не несетъ ничего, а молчитъ, ужимается,—оборвалось у Матрены сердце. Пропилъ, думаетъ, деньги, загулялъ съ какимъ-нибудь непутевымъ, да и его еще съ собой привелъ.

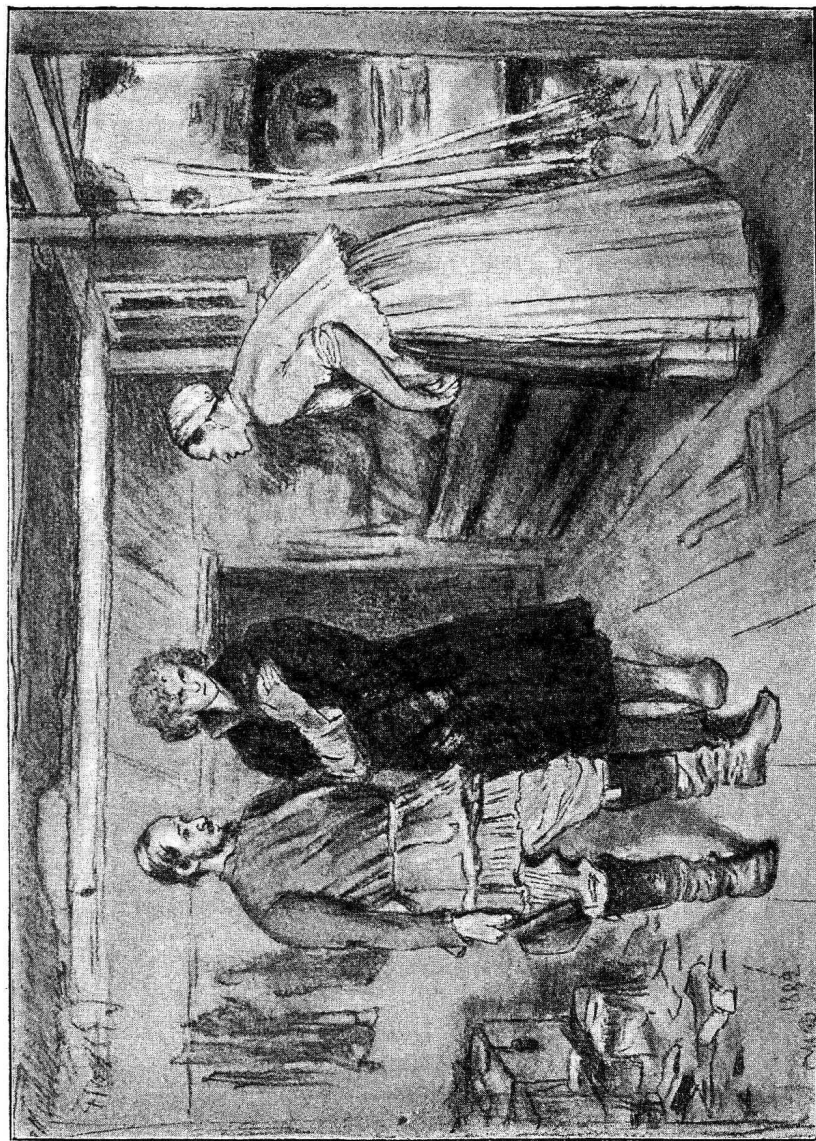

Рис. Н. Рыбникова.

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла: видитъ—человѣкъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не шевелится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: не добрый человѣкъ—боится.

Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семень шапку, сѣлъ на лавку, какъ добрый.

— Что жъ,—говоритъ,—Матрена, собери ужинать, что ли?

Пробурчала что-то себѣ подъ носъ Матрена. Какъ стала у печи—не шевельнется: то на одного, то на другого посмотреть и только головой покачиваетъ. Видитъ Семень, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего; какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись,—говоритъ,—братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила, да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Будетъ, Матрена, что безъ толку-то языкомъ стрекотать? Ты спроси прежде: какой человѣкъ...

— Ты сказывай, куда деньги дѣвалъ?

Полѣзъ Семень въ кафтанъ, вынулъ бумажку, развернулъ.

— Деньги—вотъ онѣ; а Трофимовъ не отдалъ, завтра посулился.

Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купилъ, а послѣдній кафтанъ на какого-то голаго надѣлъ, да къ себѣ привелъ.

Схватила со стола бумажку, понесла прятать, сама говоритъ:

— Нѣтъ у меня ужина. Всѣхъ пьяницъ голыхъ не накормишь.

— Эхъ, Матрена, поддержи языкъ-то! Прежде послушай, что говорятъ...

— Наслушаешься ума отъ пьянаго дурака. Не даромъ не хотѣла за тебя, пьяницу, замужъ итти; матушка мнѣ холсты отдала—ты пропилъ; пошелъ шубу купить—пропилъ.

Хочетъ Семень растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копеекъ, хочетъ сказать, гдѣ онъ человѣка нашелъ; не даетъ ему Матрена слова вставить, откуда что берется; по два слова вдругъ говорить. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то помянула.

Говорила, говорила Матрена, подскочила къ Семену, схватила его за рукавъ.

— Давай поддевку-то мою; а то одна осталась, и ту съ меня снялъ да на себя наперъ. Давай сюда, конопатый песь, пострѣль тебя расшиби!

Сталъ снимать съ себя Семень кацавейку, рукавъ вывернулъ; дернула баба, затрещала на швахъ кацавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накинула и взялась за дверь. Хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось—хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человѣкъ.

IV.

Остановилась Матрена и говорить:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ; кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ раздѣмши, застылъ совсѣмъ. Не лѣто вѣдь нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы пропасть. Ну, какъ быть? Мало ли какія дѣла бываютъ! Взялъ, одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ, Матрена! Помирять будемъ.

Хотѣла Матрена изругнуться, да поглядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ, не шевельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ, голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ и все морщится, какъ будто душить его что. Замолчала Матрена. Семень и говорить: